ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Памяти М. М. Зощенко

Богато и разнообразно литературное наследство недавно скончавшегося Михаила Михайловича Зощенко: около тысячи коротких рассказов и фельетонов, много повестей, несколько пьес... В основном — Зощенко рассказчик. В повести "Перед восходом солнца" (1943 г.) он рассказал как написал один из своих первых рассказов "Баня". Зощенко просматривал письма в редакцию "Красной Газеты" о банных непорядках. Письма эти и дали ему материал для рассказа. Быстро набросав план, он принялся писать: "Уже первые строчки смешат меня. Я смеюсь. Смеюсь все громче и громче. Наконец хохочу так, что карандаш и блокнот падают из моих рук... В стену стучит сосед. Он бухгалтер. Ему завтра рано вставать. Я мешаю ему спать. Он стучит кулаком. Я кричу: "Извините, Петр Алексеевич!" Снова берусь за блокнот. Снова смеюсь, уже уткнувшись в подушку".

Первый большой успех выпал на долю Зощенко с появлением в 1922 году "Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова". Назар Ильич — "военный мужичек", бывший крестьянин, потом солдат 1-й мировой войны, наконец, дезертир и шатун по свету. В родную деревню Назар Ильич не собирается возвращаться: там "бедность, блекота и слабое развитие техники". Рассказы Синебрюхова о его переживаниях на войне и после того, как "ход развития" его жизни пошатнулся, бестолковы и сбивчивы: события, свидетелем которых он является "вполне мирового масштаба", но Синебрюхов явно "не освещен" в их смысле. Несмотря на сбивчивость и незначительность личных переживаний Назара Ильича, от его рассказов нельзя оторваться: функцию самой занимательной фабулы несет в них язык самого рассказчика — смесь простонародной речи с наскоро и жадно усвоенными литературными оборотами.

Назар Ильич — крестьянин только по паспорту. По всему своему обличью Синебрюхов — представитель того многомиллионного городского люда, который до войны и революции прозябал на околицей жизни. События вытолкнули этот люд на середину улицы со словами: А-ну, действуй, братишка! До революции эти люди жили, по словам Зощенко, "как ходячие растения". События войны и революции заставили их думать и говорить о многих совершенно новых для них предметах. Простой народ рванулся к культуре и в "ударном порядке" стал хватать на лету новые слова, усваивая их по собственному разумению. Зощенко первый среди молодых писателей начала двадцатых годов почувствовал эту тягу народных низов к культуре.

Со всей силой своего таланта Зощенко выступил защитником этих широких слоев населения: "Конечно, об чем говорить — персонажи, действительно, взяты невысокого полета. Не вожди безусловно, — читаем мы в его рассказе "Сирень цветет, — это просто, так сказать, прочие граждане, с их житейскими поступками и беспокойством". Но Зощенко твердо стоит за их право на существование и на общественное внимание: "Кому нибудь надо откликнуться и на переживания других, скажем, средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни" (повесть "М. П. Синягин").

Так создались рассказы Зощенко, позже объединенные в сборники "Нервные люди", "Аристократка", "Уважаемые граждане" и т. д. Главными действующими лицами этих рассказов и являются "прочие граждане", рассказывающие о маленьких фактах и "фактиках" своей повседневной жизни. Эти факты, — выражаясь по зощенковски — "безусловно мелкие". Но каждый рассказ — открытая форточка, через которую доносится неповторимый шум живой революционной улицы.

Наряду с короткими рассказами немало написал Зощенко и повестей. Но он иногда сердился, когда выделялись его повести, чувствуя в этом какое то пренебрежение к его рассказам: "И повести, и мелкие рассказы я пишу одной и той же рукой. И у меня нет такого тонкого подразделения: вот, дескать, сейчас я напишу собачью ерунду, а вот повесть для потомства" ("О себе, о критиках и о своей работе").

Но зощенковские повести хочется выделить потому, что в каждой из них вкраплен отрывок очень знаменательного разговора писателя со своей эпохой, представляющего большой общественный интерес. Никто, может быть, не думал так много, а порою и страстно над новым читателем, как Зощенко. В повести "Перед восходом солнца" Зощенко рассказал как он в начале революции всем нутром вдруг почувствовал: "Старой России нет... Впереди — новый мир, новые люди, новая речь". И он стал вдумываться в этот новый мир.

Себя Зощенко причислял к школе "натуралистов"; эта школа является "единственно - честной", которой принадлежит "все будущее русской литературы". В только что названной повести Зощенко рассказывает, как он принял участие во всесоюзной переписи населения, "чтобы увидеть, как живут люди": "Я верю только своим глазам. Как Гарун аль Рашид, я хожу по чужим домам. Я хожу по коридорам, кухням, захожу в комнаты. Я вижу тусклые лампочки, рваные обои, белье на веревках, ужасную тесноту, мусор, рвань. Да, конечно, только недавно миновали тяжелые годы, голод, разруха... Но все же я не думал, что увижу то, что увидел".

Здесь был заложен повод для длительного конфликта Зощенко с официальной критикой: показ "живого человека" оказывался в глубоком противоречии с "ураганной идеологией", на которую с самого начала ополчился Зощенко. Но чутьем настоящего художника писатель чувствовал в революции ее демократический пафос и всей душой прилепился к этой демократической стихии.

Послевоенная чистка 1946 года со всей силой обрушилась на Зощенко; он был обвинен в "преклонении перед буржуазной культурой Запада". Это обвинение могло бы стать подходящим сюжетом для рассказа Зощенко. Увы, сейчас было не до смеха. Литературное начальство давно уже питало все растущую неприязнь к этому талантливому писателю - юмористу. "Мизерными фактиками" Зощенко остроумно разоблачал любителей революционного чувствовства и прикрывавшегося интересами "пролетарской революции" мещанства. Мстя ему, блюстители казенного благочестия и наклеили на Зощенко ярлык "мещанского" писателя, выразителя "мелкобуржуазной стихии".

И все таки в первые десять-пятнадцать лет после революции критике не удалось заткнуть рот Зощенко: вместе с ним смеялись миллионы людей, словечки Зощенко бытовали в разговорной речи. Смех у Зощенки — особенный: никогда в его смехе не было высокомерия, так мог смеяться только человек - брат. Вероятно, именно за это и полюбил Зощенко рядовой читатель.

Но Зощенко не только смеялся. Смеясь и заражая своим смехом читателей, он много думал о своем большом и трагическом времени и это проскальзывает во всем, что он писал.

В сборнике "Письма к писателю" Зощенко писал: "Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица. Я сделал это не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу жизнь. Я сделал это, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей". В этом был элемент правды, но далеко не вся правда. В действительности, незадачливый герой и его язык позволили Зощенко рассказать много такого, о чем говорить открыто уже было нельзя.

Особенно ополчался Зощенко против того, что современная ему беллетристика концентрируется вокруг немногих тем, оставляя без внимания реальную жизнь и запросы живых людей. Благодаря этому, уверял Зощенко, многие произведения советской литературы напоминают "рисунки пещерных жителей, которые всегда изображали профиль с двумя глазами" ("Возвращенная молодость").

В очерке "Четверть века советской литературы" (1942 г.) покойный Алексей Толстой писал, что творчество Зощенко родилось в атмосфере Нэпа: "В атмосфере его противоречий родилась лукавая, умная, прелестная проза Зощенко, с его иронически приниженным героем-обывателем, которого он и высмеивает, и жалеет... Еще вчера мы видели и на кухне, и в трамвае зощенковского героя. Сегодня его уже нет. История идет стремительными шагами и сейчас жало сатиры должно быть устремлено на иные явления нашей жизни".

Что "зощенковского героя" сегодня уже просто нет, конечно, благочестивая легенда. Тот реальный "маленький человек", которого карандашом художника - сатирика с любовью и иронией рисовал Зощенко, и сейчас составляет основную массу городского населения Советского Союза. Этот "маленький человек" сейчас более культурен и в то же время, увы, менее независим в своих суждениях, чем он был в двадцатые годы, когда еще не подвергся систематической идеологической обработке. Но по существу это все тот же зощенковский "безусловно не герой" с его повседневными заботами и с мечтами о своем маленьком счастье, часто даже добрый и отзывчивый, но всем своим бытием протестующий против чудовищно разросшейся системы официального лицемерия и лжи.

В. Александрова

Новый Журнал

Книга 53

Материалы о И. А. Бунине даны дважды в отчетной книге журнала. Из личного архива писателя приведено несколько страничек его записей о том, как случайно и порой немотивированно возникали его некоторые рассказы, даже такие, как «Господин из Сан Франциско». Из хаоса ассоциаций, складывавшихся неисповедимыми путями, рождался сюжет, почти ничего общего не имеющий с начальным толчком, побуждающим к творчеству. Для психологии творчества Бунина, пожалуй, самое характерное, — это внезапно обуревающее его вдохновение. Вот как он описывает его, например: «Обмакнув перо в чернильницу, вымал рассказ с той восхитительной быстротой, которая бывала много раз в некоторые счастливейшие минуты моего писательства».

Глава из выходящей книги о Бунине, написанной его вдовой В.Н.Муромцевой - Буниной, отведена отроческим годам писателя. Биографические элементы в ней довольно интересны: образ брата писателя, Юлия, участника Народной Воли, и особенно — образ отца. Изложение порой сопровождается отрывками из записей И. А. Бунина. Надо сказать, что после «Жизни Арсеньева» ничего существенно нового не получаешь от этой главы биографии писателя.

Чисто - беллетристический отдел книги исчерпывается одним рассказом Е. Таубер «У порога», описывающим мирное существование и угасание эмигрантского дома стариков во Франции. Неплохо, порой даже тщательно выписаны персонажи, — князь, адмиральша, «журналист», и Золушка в лице племянницы адмиральши,— все это подано в черную или белую краску. Если отступить от указаний покойного М. О. Цетлина (его «рассуждение о критике» опубликовано в отчетной книге), рекомендующего критикам среди прочего «беспристрастия и осторожность», то я позволил бы себе сказать,что произведение г-жи Таубер может быть воспринято, как сочинение Чарской для взрослых.

К этому отделу относятся и стихи, которых рассеяно в книге немало. Из них следует выделить поэму В. Коровин-Пизовского «Поражение», в которой встречаются и поэтические удачи, но почти в каждую строфу вкраплены литературные реминисценции: то из Лермонтова (долина Дагестана), то из Тютчева (грозоподобное крушенье), то из Пушкина, то из других, более близких по времени. Занимательно, хотя и слишком бойко, стихотворение И. Одоевцевой, самостоятельны и хороши стихи Олега Ильинского. Много слабее стихи М. Волковой, В. Шидловского.

Кроме упомянутой статьи М. О. Цетлина, в которой как бы собраны разнообразные и довольно распространенные «за и против» о месте и степени оправданности критики вообще, — в отчетной книжке, собственно, две статьи посвящены литературной критике: В. Завалишина и Н.Нарокова.

В. Завалишин своей статьей, сознаюсь, для меня «открыл» нового советского писателя Артема Веселого, причем, по мнению критика «большого и смелого мастера», «выдающегося представителя романтического изображения пугачевско - радинской стихии в русской революции», — к тому же во многом ученика Белого и Ремизова. Артем Веселый появился в литературе в 20-х годах, был, повидимому, коммунистом, а в ежовщину был арестован и погиб. На основании этой его драматической судьбы нельзя делать вывод о наличии в его творчестве антибольшевицких, антидиктаторских тенденций. Попытка же В. Завалишина путем анализа произведений Веселого придать ему черты ярко выраженной оппозиционности не показалась мне убедительной. «Большой художник победил коммуниста» — пишет Завалишин. Как же не досмотрело это начальство и печатало его книги вплоть до 1937 года?

Статье Н. Нарокова о «двух Чацких» в комедии Грибоедова нельзя отказать в остроумии и живости. Автор статьи утверждает, что в то время, как Чацкий в первых двух актах имеет от роду от 18 до 21 года, — в третьем акте ему — минимум 25 лет. Н. Нароков тщательно проследил биографию Чацкого и устанавливает явную ее противоречивость. Неужели до Нарокова никто из многочисленных наших литературоведов занимавшихся «Горе от ума», этого до сих пор не обнаружил? Вывод Н. Нарокова о том, что «двойственность и неопределенность фигуры Чацкого» не отразилась на его художественности — как бы повисает в воздухе.

К отделу критики, пожалуй, следует отнести некоторые библиографические заметки, — скажу прямо, довольно случайного характера, — напр. заметки о сатирической эмигрантской повести «Телеграмма из Москвы» и о стихах А. Васильевской. Но к нему непосредственно относится обстоятельная рецензия Глеба Струве об эволюции поэтического творчества В. Смоленского в связи с выходом его собрания сочинений.

Памяти недавно скончавшегося знаменитого художника М. В. Добужинского посвящена статья В. Александровой, дающая на основании опубликованных в разное время в «Н. Журнале» воспоминаний художника оценку его как писателя, а также очерк С. Бертенсона, в обширных выдержках из писем Добужинского восстанавливающий картину жизни, работы и мытарств художника в эмиграции, в частности, в годы пребывания его в Америке.

Как всегда, воспоминаниям и экскурсиям в историю уделено и в рецензируемой книге немало внимания. Отмечу начало воспоминаний проф. Н. Алексеева «В бурные годы» — о студенчестве и профессорах начала века в России, о т. н. студенческих беспорядках, сопровождавшихся выстрелом Карновича в министра Боголепова, о сдаче студентов в солдаты. Ничего нового мы не узнали из первых глав, хотя написано хорошо. Смущают некоторые словечки: напр. о «пролетизме» русского интеллигента или такой оборот молодого студента: «мне доложили, что немецкое студенчество политикой не интересуется».

Весьма интересна глава воспоминаний недавно скончавшегося известного еврейского историка М. Л. Вишницера, в первые годы своей научной деятельности работавшего в Германии, а затем в Петербурге над идейной историей русских «геттингенцев» (братьев Тургеневых и др), непосредственных предшественников декабристов.

Н. Валентинов, продолжая свою исследовательскую работу над Лениным, тщательно выясняет, — в отличие от советских историографов, — когда и при каких условиях состоялась «встреча Ленина с марксизмом», действительные, а не мифические его отношения с одним из первых русских марксистов Федосеевым и пр. Касаясь вопроса, характерного для психологии народников, и марксистов, стремящихся к выработке «цельного мировоззрения», призванного дать ответы на все проклятые вопросы, — Н. Валентинов, очень подробно рассказывает, как и когда составлялась программа рекомендуемых для чтения книг в революционных кружках. Автор, кажется, преувеличивает значение и роль этих программ в формировании «цельного мировоззрения» вообще, и в отношении случая с Лениным — в частности.

Острым вопросам политики наших дней посвящен ряд интересных статей Н. Тимашева, Н. Мацкевича и М. Карповича. В мыслях о современном положении в России Н. Тимашев делает попытку формулировать «вольную идеологию» весьма широких слоев советского общества в послесталинскую эпоху, противопоставляемую им казенной, официальной, коммунистической идеологии. Эту «вольную идеологию», т.е. уже ныне созревшие требования населения автор сводит к следующим пунктам: частная собственность на землю, доброкачественная организация ширпотреба, частная инициатива в розничной торговле и промышленности, ограждение личности от произвола власти, свобода научного, литературного творчества и требование религиозной терпимости. Автор подчеркивает, что в настроениях общества не только «нет следа формальной демократии», но, повидимому, нет вообще никаких сколько-нибудь сложившихся политических идей. «Это — музыка будущего», пишет Н. Тимашев. Не менее интересна в построениях автора характеристика изменений и линяния официальной коммунистической идеологии от Ленина до Хрущева. Не буду на этом останавливаться. Отмечу только, что автор исходит из допущения, что в России будет продолжаться «идеологический конфликт» между властью и страной, который может и привести к победе «вольной идеологии», если «оборвется преемственность власти от октябрьского победителя»...

Статья польского публициста и писателя И. Мацкевича «Польша под Россией и под Коммунизмом» очень интересна и очень спорна. Интересен ряд замечаний автора,—напр., его утверждение, что полонизация по форме и коммунизация по содержанию гораздо опаснее для независимой Польши, нежели руссификация в прошлом. Спорно же его утверждение, что именно сейчас, после «октября» 1956 года, при Гомулке «Польша находится в большей неволе, чем когда-либо на протяжении всей своей истории». По мнению Мацкевича, весь либерализм Гомулки, разлив оппозиционных настроений среди интеллигенции и студенчества в стране, выход в свет «Попросту» и ряд других, отличных от положения в Сов. России явлений и послаблений, — все это только тактика «многолетнего советского агента» Гомулки, действовавшего в полной согласованности с Хрущевым, имевшая единственной целью не развязать оппозицию в стране, а как раз наоборот, — предотвратить в Польше нараставшее там народное восстание, по образцу Венгрии. Более того, все брожение в Польше искусственно создано сверху для того, чтобы держать его в руках и в нужный момент прекратить.

Характеристика положения в Польше и роль Гомулки, данная в статье Мацкевича, естественно вызвала оговорки редакции, и М. Карпович в своих «комментариях» счел нужным отгородиться от концепции, которая сбрасывает со счетов все проявления оппозиции среди населения и придает ухищрениям показных либералов коммунизма слишком много значения. Другие комментарии М. Карповича посвящены немалым «трудностям» в области международной политики, которые испытывает, — по разному — и Запад, и Советский Союз и носят весьма актуальный характер (вплоть до вопроса о созыве конференции на высшем уровне).

Особняком стоит статья проф. Д. Чижевского о выставках русских художников в Европе (В. Кандинского, М. Шагала, А. Явленского), — больше по поводу выставок и о связи художников с проблемами русской литературы. Хочется отметить замечание автора о том, что «первые равноценные тексту иллюстрации к «Мертвым душам» даны Шагалом», — между тем, как иллюстраций к Гоголю существует множество.

В заключение упомяну о богатом отделе библиографии в журнале: обширная рецензия Д. Шуба о трехтомной истории социалистических идей в западном мире проф. Коола, в которой много (хотя иногда и неточно) отведено места русскому социализму; информационное сообщение Модеста Гофмана по поводу вышедшей в СССР книги «50 лет Пушкинского Дома»; совершенно уничтожающая рецензия Р.Гуля на пользующуюся большим успехом в правых эмигрантских кругах книгу Н. Н. Краснова «Незабываемое», — рецензент убедительно показывает, как автор, непримиримый антибольшевик, повторяет множество пробольшевицких утверждений о зловредном Западе, об Америке, стремящейся к войне и захвату России и т.п Имеются еще, рецензии на разные книги В. Коварской, З. Юрьевой, Вяч. Завалишина, по поводу которых следовало бы откликнуться, — но недостаток места не дает мне возможности это сделать. Хочу в связи с рецензией о книге Жабинского «Просветы» только отметить, что приписывание изобретениям Лопаткина в известном романе Дудинцева символического характера имело место и в самой России, — об этом привелось читать в статье Н. Крючковой в «Известиях» от 2 дек. 1956 г.

Григорий Аронсон

СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛИСТ ОПИСЫВАЕТ НЬЮ ИОРК

В журнале союза писателей СССР "Знамя" за июнь этого года помещен большой очерк Бориса Иванова под заглавием "Нью Иорк с утра и до вечера". Советский журналист обещает дать беспристрастное описание того, "что видел, слышал, что чувствовал в этом 13-миллионном городе". Фактически в городе по последним подсчетам всего восемь миллионов с лишним жителей. Но советскому журналисту для округления захотелось добавить еще пять миллионов. Пусть так...

Описание, как и полагается с советской точки зрения, начинается с Харлема, который автор помещает "на окраине". С утра солнце начинает освещать "немудрящие, преимущественно трехэтажные домики негритянского Харлема". А где же остальные, не "домики", а многоэтажные дома с прекрасными со всеми удобствами квартирами в районах 110-138 улиц? О них — ни слова. В Харлеме "все для негров", только полицейские там белые. Негров-полицейских можно видеть на улицах Нью Иорка, как в негритянских районах, так и в остальных. Описывая свадьбу негритянской пары, журналист заявляет:

— Это счастливая пара. Им не придется, как миллионам других, ежемесячно выкраивать из скудного заработка по 120 долларов за маленькую комнату.

"Скудные" заработки миллионов совсем уж не плохие, если можно "выкраивать" по 120 долларов.

Баури, этот "позор и горе Нью Иорка", по словам журналиста, находится не в нижней части города, а "всего лишь в нескольких шагах от 42 стрит" и... "рядом со зданием Объединенных Наций". Автор познакомился с постоянным обитателем Баури — здоровым физически, тридцатилетним человеком "с тщательно выбритыми щеками". Безработный попросил дать ему несколько центов на кофе и сообщил, что он живет здесь тридцать лет на случайные заработки, с тех пор, "как родился в подворотне". Повивальной бабкой был полицейский. Рожать, мол, в госпитале стоит дорого. Каждый полицейский в США обучен акушерскому делу. Роженице "нужно только выйти на улицу и закричать, а об остальном побеспокоится полицейский. Он и ребенка примет и домой роженицу отведет". Трогательный рассказ закончился словами: "бреюсь каждый день и все время хочу есть".

Мы, белые эмигранты, приезжали сюда тридцать с лишним лет назад без языка, не имея никаких организаций взаимопомощи. Мы прошли 35-летний стаж физической работы. Мы можем сказать советскому журналисту, что его собеседник — самый настоящий профессиональный "бом", попрошайка. На Баури, от которого кстати сказать, скоро останется одно воспоминание, таких не мало. Город тратит сотни миллионов долларов на благотворительность. Роженице нечего валяться в подворотне. Для нее всегда найдется место в городском бесплатном госпитале. Очень редко, но в газетах появлялись заметки, что по дороге в госпиталь полицейскому пришлось помочь роженице. А что же делать в таких случаях? Даже Максим Горький описывает, как он выполнял обязанности акушера.

Оказывается, что в Мэнхэтэне много небоскребов, потому что "тут строительство обходится дешевле", что провозглашенные здесь более полутораста лет назад великие свободы — сданы в архив", что газетчики продают свой товар "у небрежно сбитых из кусков фанеры киосков, а то и просто под брезентовыми тентами или листами железа, подпертыми необструганными досками, что за часовую стоянку автомобилей надо бросать в автоматический счетчик 60 центов вместо десяти, что дизельные автобусы в Нью Иорке "дымят, гремят, скрипят".

Побывал Иванов в больших магазинах готового платья на Пятом авеню на Мэдисон-авеню и на 42 улице. В них, пишет он, "покупатель сам выбирает, примеряет одежду. А если вдруг он остановится в раздумье, "брать или не брать", — как из под земли появляется продавец.Цель продавца не упустить покупателя..."

В Сентрал Парк, по его словам нет тенистых аллей и "нет привычных нам концертных эстрад". А что такое эстрады Мола, где даются концерты, устраиваются танцы и т. п.

Он встретил в парке "изъеденного молью старика с аккуратно завитой бородкой", который кормил двух белок. Оказалось, что это подполковник Добровольческой армии Радынский. Жил в Софии, Берлине, Париже, а теперь судьба занесла в Нью Иорк. На вопрос об устройстве старик ответил, что "устроился плохо, без семьи, без денег". Журналист утверждает, что "весь его вид, интонация голоса, все говорило о том, что он хотел добавить и "без родины". От этой встречи советчику "стало до тошноты неприятно, почудилось будто я сижу рядом с мертвецом, который притворяется живым". Даже на кормлении белок одиноким стариком эмигрантом составляется журналистом политический капитал. Спрашивается — почему же старик предпочитает Нью Иорк?

Веселую минуту доставляет автору очерка "местная русская газетка", которая собирает пожертвования для неимущих. Он даже для точности перечисляет фамилии лиц, пожертвовавших доллар - два - пять. По советской терминологии это "нищенство, прикрытое рубищем милосердия". Свой подлый юмор корреспондент журнала союза писателей СССР заканчивает словами: — "Не волнуйтесь. "больные и обездоленные". Петр Ярема похоронит вас "по самой дешевой цене".

На выставке в Гренич Виллэдж автор очерка знакомится с американской девицей, художницей Грэйс де Биазе. Она обрадовалась, что встретилась "с советским человеком". С места в карьер бойкая девица заявила, что "свобода, о которой без конца говорят у нас — это игрушка, специально придуманная для американцев. Ведь американцы, как дети, им обязательно нужны яркие погремушки". Конечно, "советский человек" пришел в восторг от таких заявлений, особенно, когда при прощании к этому еще добавлено, что "в ваших сердцах больше правды".

И вот общие выводы. Нью Иорк "капиталистический город в своем самом завершенном виде". Реклама на Бродвее "расхваливает как раз то, что в нормальном состоянии человек проглотить не может". Молодым женщинам здесь трудно. На работу их "берут неохотно и не всюду..."

Бродвей у Иванова в девятом часу вечера "гудел, как иерихонская труба". Возле светящихся бюллетеней "Таймз" ему сообщили, что недавно бомбардировщики в поисках таинственных "предметов" в воздухе чуть не столкнулись... со стаей гусей. В конце очерка глубокомысленная сентенция, что "нищета Баури — лишь тень Америки".

И такого журналиста отправляют через океан описывать Нью Иорк... Такой материал помещают в центральном органе писателей Советского Союза...

Г. Раковский

Советский спутник из Швейцарии

Милвоки, 2 авг. — Алберт Тростел, местный промышленник, только что вернувшийся из поездки по Европе рассказывает, что в бытность свою на Всемирной выставке в Брюсселе, он купил в советском павильоне миниатюрный спутник, — точную копию одного из запущенных Советским Союзом искусственных спутников Земли.

По возвращении в Милвоки, Тростел разобрал механизм спутника. Велико было его удивление, когда оказалось, что миниатюра была сделана в Швейцарии.

ДЛЯ ОТЗЫВА

В редакцию Нового Русского Слова поступили для отзыва следующие книги:

С. Н. Плавутин. Слово о Полку Игореве. Исправленный и неисправленный тексты. Перевод и примечания. Изд. Русской Академической Группы в Париже. Выпуск ном. 1-й. Париж 1958 года.